

СОВРЕМЕННЫЙ КЫРГЫЗСТАН В КОНТЕКСТЕ «ГРАЖДАНСКАЯ» - VERSUS – «ЭТНИЧЕСКАЯ» ИДЕНТИЧНОСТИ

ДОНОНБАЕВ А.

Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б. Ельцина
УДК.323.1

Аннотация: Автор статьи рассматривает проблему идентичности. Речь идет о формировании «кыргызстанской идентичности». Какое содержание вкладывается в понятие «кыргызстанская идентичность»? Разумеется, это не просто географическая характеристика. В ней определяющую роль играют духовные и ментальные свойства, присущие человеческому сознанию и определяющие поведенческие ориентации людей. Анализируя данный вопрос, автор основывается на международной практике. Поэтому в статье узловым пунктом является коллизия двух реальных тенденций – «гражданская идентичность» и «этническая идентичность». Во-первых, отмечает автор, необходимо подчеркнуть, что в политологической литературе проводится разграничение между двумя значениями понятия «нации»: гражданским и этническим. Именно с первым значением связано появление идеи, а затем концепции «нации-государства» («nation-state») или национального государства. Рассматриваемое в контексте гражданской функции национальное государство, как подтверждает практика, решает задачу консолидации общества. Данный результат достигается в ходе образования единого национального рынка и национального самосознания.

Современная реальность представляет собой сложную и противоречивую картину. Мы являемся современниками и свидетелями своеобразного «ренессанса», возрождения национализма и сепаратизма. Автор статьи подчеркивает, что национализм играл конструктивную роль в эпоху освободительного движения колониальных народов. В настоящее время ситуация коренным образом изменилась. На передний план вышел деструктивный национализм. Он использует фактор «этнического ренессанса». Целый ряд современных многоэтничных государств испытывают опасность распада. Автор приводит фактические данные об этой тенденции. И вместе с тем, считает автор статьи, опыт стабильного развития многих стран современного мира дает основание утверждать, что угроза неизбежного распада маячит не перед каждым полиэтничным государством.

Abstract: The author of the article considers the problem of identity. Particularly this refers to the issue of “Kyrgyzstan’s identity” formation. What is the concept of “Kyrgyzstan’s identity” ? Certainly, it is not just a geographical characteristic. It is more about spiritual and mental attributes inherent to human consciousness that define behavioral orientations of people. The author’s analysis of the matter is based on the international practice. Therefore the main point in the article is the collision of two real tendencies – “civil identity” and “ethnic identity”. First, the author emphasizes, it is necessary to underline that in political literature there is a differentiation between two meanings of the concept “nation”: civil and ethnic. The emergence of the idea, and later of the concept about “nation-state” or the national state is related to the first meaning. The national state considered in the context of civil function, as it is confirmed in practice, solves a problem of society’s consolidation. This result is reached due to the formation of the unified national market and national self-consciousness. The modern reality is difficult and contradictory. We are contemporaries and witnesses of peculiar “Renaissance”, revival of nationalism and separatism. The author emphasizes that nationalism played a constructive role during the liberation movement of the colonial nations. At the present day the situation totally changed. The destructive nationalism came to the forefront. It uses the factor of “the ethnic Renaissance”. A number of modern multiethnic states experience the danger of disintegration. The author provides an actual data on this tendency. At the same time, the author considers that

the experience of the sustainable development of many states in the modern world gives grounds for claiming that the threat of inevitable disintegration looms not before every multiethnic state.

Аннотация: Макаланын автору бирдейлештируу проблемасын кароодо. Кеп «кыргызстандык бирдейлештирүүнүн» түзүлүшү жөнүндө жүрүп жатат. «Кыргызстандык бирдейлештирүү» түшүнүгүнө кандай мазмуну кирет? Албетте, бул жөнөкөй географиялык мүнөз эмес. Бул жерде чечүүчү ролду ан-сезимге кирген, адамдын жүрүм-турумун аныктаган рухий жана менталдык касиеттер ойнойт. Бул маселелерди анализдеп жатып, автор эл аралык тажрыйбага таянат. Ошондуктан макалада чечүүчү түйүн болуп «жараандык бирдейлештирүү» жана «этникалык бирдейлештирүү» деген эки реалдуу тенденциялардын коллизиясы эсептелет. Биринчиден, автор белгилегендей, политология адабиятында «улут» эки мааниде чектелет: жараандык жана этникалык. Так ошол биринчи маани менен «улут мамлекет» (nation state) же улуттук мамлекет идеясынын, андан кийин концепциясынын пайда болушу байланышкан. Жараандык функция контекстинде каралып жаткан улуттук мамлекет, тажрыйба тастыктагандай, коомдун консолидация маселесин чечет. Бул натыйжа бирдиктүү улуттук рыноктун жана улуттук ан-сезимдин пайда болушу менен жетилет.

Азыркы замандын реалдуулугу татаал жана бири бирине карама каршы келген картинаны түзөт. Биз улутчулдук жана сепаратизмдин, мындайча айтканда «ренессансынын» же кайра пайда болуусунун замандаштары жана күбөлөрү болуп эсептелебиз.

Макаланын автору белгилеп кеткендей, улутчулдук колониялык элдердин боштондук кыймылында конструктивдуу ролду ойногон. Азыркы убакта абал туп тамыры менен өзгөрдү. Алдынкы планга деструктивдүү улутчулдук чыкты. Ал этникалык ренессанс факторун колдонот.

Бир нече көп улуттук мамлекеттер бир нече бөлүккө бөлүнүп кетүү коркунучуна кабылып жатат. Автор бул тенденция боюнча факттык далилдерди келтирип жатат. Аны менен бирге, автордун айтымында, бир нече мамлекеттердин стабилдуу өнүгүү тажрыйбасы, шексиз бөлүнүп кетүү бардык эле көп улуттук мамлекеттердин алдында турган коркунуч эмес экендигине негиз берет.

Урунтуу сөздөр: идентеиштүрүү, жарандык идентеиштүрүү, этникалык идентеиштүрүү, улуттук мамлекет, мультикультурализм.

Keys words: identifications, civic identification, ethnic identification, nation-state, multiculturalism.

Ключевые слова: идентификация, гражданская идентификация, этническая идентификация, нация-государство, мультикультурализм.

Важнейшей составляющей в процессе консолидации общественного и государственного организма современного Кыргызстана выступает фактор идентичности. Несколько лет тому назад, в ходе первичного социологического опроса, я пытался получить ответы от группы студентов, задавая им вопросы следующего характера. «Кем вы себя чувствуете? С кем вы себя отождествляете?», предоставив им возможность выбора из пяти вариантов: 1) «кыргызстанцем»; 2) «в большей степени кыргызстанцем, чем кыргызом, русским, узбеком, дунганином»; 3) «в равной степени кыргызстанцем и кыргызом, русским, узбеком, дунганином»; 4) «в большей степени кыргызом, русским, узбеком, дунганином, чем кыргызстанцем»; 5) «кыргызом, русским, узбеком, дунганином». Вряд ли можно было сомневаться в том, что подавляющее большинство респондентов выберут 5, 4 и 3 варианты и только исключительное меньшинство – 1 и 2 варианты. Но я рассчитываю, что с течением времени ситуация меняется и сейчас ответы были бы несколько иными. Можно предполагать, что особенно в молодежной среде число тех, кто причисляет себя к «кыргызстацам» постепенно растет.

Однако какое смысловое содержание вкладывается в понятие «кыргызстанская идентичность»? Разумеется, это не просто географическая характеристика. В ней определяющую роль играют духовные и ментальные свойства, присущие человеческому сознанию и определяющие поведенческие ориентации людей. Если у нас в ходе формирования «кыргызстанской идентичности» сложатся какие-то существенно-значимые черты данного явления, то можно говорить о перспективах становления в республике единой гражданской нации.

Но здесь мы вступаем в пространство сложных коллизий. Во-первых, необходимо подчеркнуть, что в политологической литературе проводится разграничение между двумя значениями понятия «нации»: гражданским и этническим. Именно с первым значением связано появление идеи, а затем концепции «нации-государства» («nation-state») или национального государства. Национальное государство – это своеобразный тип политической организации общества, сложившейся в определенных конкретно-исторических условиях развития Западной Европы в Новое время (XVI-XIX вв.). Оно оказалось более эффективным институциональным образованием, нежели предшествовавший ему имперский тип управления. В течение XX столетия эта форма государственности распространялась по всем континентам и регионам. Исторический опыт показывает, что страна, не прошедшая этапа национально-государственного строительства, не достигает в своем совершенствовании достаточной зрелости и стабильности.

Рассматриваемое в контексте гражданской функции национальное государство, как подтверждает практика, решает задачу консолидации общества. Ранее разрозненный народ постепенно, конечно, не за короткий промежуток времени, а в течение долгого периода, сплавляется в единую гражданскую нацию. Данный процесс осуществляется по трем направлениям. Первое, разнообразные этнические, конфессиональные, социальные и профессиональные группы объединяются в сплоченную гражданскую общность. Второе, на основе экономического прогресса преодолеваются крайние формы социальной дифференциации общества. Третье, несмотря на плюралистическую разнородность борющихся между собой групп и интересов, а также многообразие идеологических позиций, достигается политическое единство общества по основополагающим жизненно важным вопросам. Данный результат достигается в ходе образования единого национального рынка и национального самосознания.

В методологическом плане важно не забывать, что государство формируется в рамках нации, а нация складывается в пределах государства. Нация обретает в государстве свою политическую форму существования. Государство конституирует себя в масштабах национального бытия. Здесь следует подчеркнуть, что «строительство государства» в демократической системе органично сочетается со «строительством нации». Без этого государство не может стать подлинно эффективным инструментом управления и созидания. Отмечается, что «строительство государства» - это создание формальных институтов власти, полиции, армии, а также юридической системы, судов, различных министерств и агентств. «Строительство нации» - это формирование основ гражданского общества, объединяющее народ общими ценностями и традициями, ощущающее себя единым политическим целым или единым пространством.

И как отмечал в свое время А.Тойнби, если в сферах экономики и политики, где главенствуют интересы, а не ценности, превалирует материальное, а не духовное начало человеческой жизнедеятельности, то ценностная система складывается в русле культурных традиций и инноваций, которые определяют направленность поведенческих ориентаций людей и, конечном счете, характер развития в целом общества. Одна из самых существенных проблем заключается в том, что «строительство государства» и «строительство нации» в странах Центральной Азии, в частности Кыргызстане, до сих пор не осмыслено как неразрывные стороны единого процесса. Пожалуй, только в доктрине «национального единства», озвученной президентом Н.А.Назарбаевым 26 октября 2009г.

на XV сессии Ассамблеи народа Казахстана, идея о единстве государственного и национального строительства получила достаточно четкое концептуальное освещение.

Во-вторых, мировой опыт показывает, что создание в относительно короткие сроки институтов эффективного государства еще не способно породить единую гражданскую нацию. Во многих работах, изданных до 1970-х годов, в которых анализировался феномен «нации-государства», роль этнического фактора в политике практически не учитывалась. Данный подход подразумевал, что при верном, т.е. демократическом, устройстве политической системы любой индивид быстро «освободится» от негражданских «пут», а иммигрантские группы, этнические и другие меньшинства постепенно растворятся в единой гражданской нации.

Современная же реальность, как выясняется, представляет собой гораздо более сложную и противоречивую картину. Первые два с лишним десятилетия XXI в. показывают, что мы являемся современниками и свидетелями своеобразного «ренессанса», т.е. возрождения национализма и сепаратизма». Целый ряд авторов отмечали в своих трудах о том, что исторически национализм представляет собой своеобразного «двуликого Януса». Так, с одной стороны, писал Г.Кон, национализм как идеология и политика играл прогрессивную роль в становлении национальных государств, в разрушении колониального мира после второй мировой войны. Но наряду с этим в XX веке национализм деструктивный, разрушительный, сопровождающийся ненавистью к чужому в виде нацизма и разного рода милитаризмов, сепаратизмов и шовинизмов отодвинул на второй план национализм творческий, созидательный[1]. В рамках возникающего международного порядка, напоминает Г.Киссинджер, национализм обрел второе дыхание. Нации гораздо чаще стали преследовать собственный интерес, чем следовать высокоморальным принципам, чаще соперничать, чем сотрудничать. «Я выдвигаю тезис, - подчеркивает Дж.Б.Эльстайн, - что первичной политической «страстью» нашего времени является и будет являться национализм...» [2]. Иначе говоря, политический национализм эпохи освободительных движений колониальных народов ныне уступил свое место этническому национализму.

С подобным явлением, указывают исследователи, раньше других столкнулись Западная Европа и Северная Америка, которых многие считали сообществом вполне сформировавшихся однородных наций. После того, как на всеобщих выборах в октябре 1974 г. Шотландская национальная партия получила в Шотландии 30% голосов избирателей, стало очевидным, что у Великобритании есть заботы и помимо Ольстера в Северной Ирландии[3].

Продолжением данного процесса явилось создание в 1997-1999 гг. парламента в Шотландии и Национальной ассамблеи в Уэльсе. Лишь небольшой перевес голосов в результате шотландского референдума, проведенного в сентябре 2014 г., обеспечил сохранение единства Великобритании. Судьба единой страны висела на волоске. Сходная ситуация сложилась в Испании, Бельгии и в некоторых других европейских странах. Положение усугублялось массовой миграцией, в результате которой «все страны Европы, по своему желанию или нет, стали странами иммигрантов[4]. Как следствие в европейских странах неуклонно растет влияние националистических партий. Драматические события, связанные с распадом Югославии, а также разделом Чехословакии еще более наглядно продемонстрировали опасность дальнейшего пренебрежения этническим фактором в политике. К примеру, реальным проявлением растущей роли этнического фактора стало отделение Косово от Сербии и образование им в конце марта 2008 г. самостоятельного государства. Такая же угроза распада нависла и над Грузией, от которой пытаются обособиться Абхазия и Южная Осетия. Не менее острыми остаются взаимоотношения Молдовы и Приднестровья, Азербайджана и Нагорного Карабаха. Эти события явились следствием общего процесса этнонационального пробуждения.

Этнонационализм, являясь логическим продолжением этносепаратизма, превращается *из национального в националистический фактор*. Он стремится реализовать принцип право этносов на *национальное самоопределение* путем раздела существующих государств и организации собственных. Это *вторая*, противостоящая *первой*, функция, естественно, предполагает, что единственной содержательной характеристикой «нации-государства» является **этническая нация**. Таким образом, этнонация, по логике своего внутреннего развития, предрасположена к обособлению своего существования. Это, конечно, неизбежно *разобщает* и *разрушает* консолидирующееся полиэтническое сообщество в рамках «нации-государства»[5]. Об исключительной сложности и долговременности проблемы этнонационализма и сепаратизма свидетельствует, например, то, что, в настоящее время на Земле проживает более **3 тысяч этносов, из которых лишь 300 имеют свои государственные и автономные образования**. Невозможно даже вообразить ситуацию, в которой каждый из этих 3 тысяч этносов возжелал бы иметь свое государство.

В контексте проблемы формирования *гражданской (национально-государственной) идентичности* Центральная Азия также предстает весьма сложным регионом. Сразу же после распада СССР и образования на его обломках суверенных государств, в Центральной Азии не на шутку разгорелся пожар межэтнических раздоров, накладывающих свою негативную печать на процессы внутристрановой интеграции. В основе таджикско-узбекского конфликта 1989 г. лежали требования о перераспределении пастбищ между узбекскими и таджикскими группами северных предгорий Туркестанского хребта. Одним из примеров, того, как годами тянувшиеся споры из-за земли и воды внезапно стали поводом серьезнейших разногласий между двумя соседними республиками, оказался конфликт 1989-1990 гг. между таджиками Исфаринского района Ленинабадской области Таджикской ССР и кыргызами Баткенского района Ошской области Кыргызской Республики. В июне 1990 года в Ошской области имели место трагические события, приведшие к межнациональному конфликту кыргызов и узбеков. Не менее ожесточенный характер приняли боевые сражения на почве межтаджикского конфликта 1992-1997 гг. Эти конфликты отразили как в зеркале всю глубину накопившихся в регионе проблем. Мощным катализатором дестабилизации геополитической обстановки в регионе стала длительная война в Афганистане.

Вместе с тем, сравнительный анализ показывает, что природа и характер проявления межэтнических конфликтов в Центральной Азии в значительной мере отличаются от подобных процессов в других регионах постсоветского пространства. Причиной межэтнических конфликтов здесь явились скорее обострение не **этнополитических**, а в большей мере **социально-экономических факторов**. Критически осмысливающие наш опыт зарубежные исследователи, пытаются объяснить это явление тем, что союзные республики Средней Азии и Казахстана в значительной мере оказались неготовыми к национально-государственному строительству и воздвигали атрибуты суверенного государства больше по необходимости, чем по убеждению. В этих республиках в условиях тоталитарно-авторитарной системы не были поставлены и решены многие задачи, входящие в экзамен на «аттестат зрелости» по формированию национальной государственности: во-первых, достижение минимального уровня национальной и гражданской солидарности; во-вторых, общественного консенсуса относительно национальных интересов; в-третьих, зарождение новой политической системы, ядра профессиональных политиков; в-четвертых, признание общих социально-политических норм и др. Критики утверждают, что обостренные национальные чувства доминировали лишь при отделении от СССР государств Прибалтики, Закавказья и Правобережной Молдовы. Но и здесь, в процессе созидания независимых государств, как выясняется, стержневым оказался мотив не *гражданского*, а *этнического национализма*. В имперской системе СССР нация была оторвана от государства и соединена с этносом. Нация превратилась в историческую форму развития этнической общности. Поэтому

распространилась практика наименования союзных и автономных республик по названию титульного этноса.

Что же касается Средней Азии и Казахстана, то здесь вообще отсутствовало массовое движение за независимость. Независимость для большинства нынешних центрально-азиатских государств не стала итогом серьезного и упорного труда, борьбы, движения. Свобода и суверенитет как бы упали с неба. У истоков движения за суверенитет не стояло то явление, которое называют национальным возрождением, предполагающим всесторонний культурный подъем, рост национального самосознания, становление гражданской нации как полноправного субъекта политического процесса. Процесс же созидания ими своей национальной государственности стал вынужденной реакцией на развал СССР.

Почему в Центральной Азии не было национальных движений? Данный исторический факт, который трудно отрицать, говорит лишь о том, что в регионе Центральной Азии не получил достаточного развития процесс трансформации *этнического сознания в национальное самосознание*. Лишь только в этом процессе зарождается политическое движение этнического национализма. Исследователями справедливо отмечается, что, например, Казахстан был менее всех заинтересован в распаде СССР. Результаты референдума 17 марта 1991 г. о сохранении СССР показывали, что настроение населения всех центральноазиатских республик было в большей мере просоюзным даже по сравнению с населением России. По сути дела под давлением российско-украинско-белорусского союза эти страны были поставлены перед необходимостью национально-государственной саонализации. Близкий вариант развития наблюдался в Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане.

На нынешнем начальном этапе национально-государственного строительства республики Центральной Азии также не избавлены от угрозы распространения и углубления межэтнических коллизий. Население этих республик полиэтнично и многоконфессионально. Так, в настоящее время по некоторым данным, в Казахстане титульный этнос казахи составляют 40%, русские – 38, другие славянские группы – 7; мусульмане – 47%, остальные являются православными и протестантами. В Кыргызстане: кыргызы составляют 52% населения, русские – 21, узбеки – 13; из них 70% мусульмане, остальные в своем большинстве православные. Ситуация в Таджикистане выглядит таким образом: таджики – 62%, узбеки – 24, русские – 8, татары – 2; 85% населения исповедуют мусульманскую веру. Положение в Туркменистане несколько иное: уже 72% населения составляют туркмены, русских – 9, узбеков – 9; 85% исповедуют ислам, 10 - православные. И наконец, в Узбекистане такая картина этнического состава: узбеки – 71%, русские – 8, таджики – 5.

Естественно, в таких полиэтничных условиях было бы непростительной иллюзией в краткосрочном или даже в среднесрочном варианте строить планы формирования национально-государственной идентичности. Во-первых, в контексте динамики своего развития этносоциальная структура менее подвижна, более стабильна, даже в определенной мере консервативна. *В отличие от средних веков, когда процесс формирования и становления этнических общностей носил еще лишь «первичный характер», так сказать, еще не освободился от диффузии родо-племенной «фрагментации», в течение Нового и новейшего времени мы видим картину постоянной этнической «кристаллизации», «затвердения» стержневых черт. Поэтому интеграция этнических структур предстает как долгий процесс. Иначе говоря, расколоть одним ударом, подобно ореху, «институционализировавшийся» этносоциальный организм, просто невозможно. Здесь огромную роль играют такие «затвердевшие» компоненты этнического сознания, как чувство принадлежности к определенной общности и «инаковости», «чуждости» других. Когда спрашивают: «Почему распалась Югославия?», то ответ лежит на поверхности. Оказывается, в стране*

мало было людей, чувствовавших себя югославами. Они больше чувствовали себя сербами, хорватами, словенцами, македонцами, албанцами и т.д.

Во-вторых, управление процессом формирования национально-государственной идентичности, несомненно, требует гибкого учета взаимодействующих культурно-исторических, социально-экономических и территориально-демографических факторов. Кроме того, что население государств Центральной Азии имеет смешанный, «пестрый» состав, добавляется и такой немаловажный фактор, как проживание основных этнических меньшинств в приграничных районах с соседними республиками. Например, узбекское население Кыргызстана в подавляющей массе проживает на юге страны по соседству с Узбекистаном. Русское население Казахстана сосредоточено в северных областях республики, граничащих с Российской Федерацией. Такую же картину мы можем наблюдать и в других центральноазиатских государствах. Данное обстоятельство, разумеется, становится значительным фактором торможения на пути формирования национально-государственной идентичности.

В-третьих, мировой опыт показывает, что создание в относительно короткие сроки институтов эффективного государства еще не способно породить единую нацию. Более всего это положение относится к только что формирующимся государствам Центральной Азии. Нет сколько-нибудь серьезных оснований предполагать, что этнические меньшинства в регионе, сознание которых постоянно растет, подчинятся политическому и социальному нажиму и склонятся к ассимиляции («интеграции»). Скорее они будут настаивать на своем праве на этническую идентичность. Сегодня им нет нужды порывать все связи с бывшей родиной, сжигать все мосты. За такое развитие событий говорит, в частности, то, что современные средства обмена информацией (почта, телефон, радио, кассеты и, в особенности, спутниковое телевидение), а также не слишком дорогие транспортные средства (в первую очередь самолет) облегчают коммуникацию на этническом уровне. Следовательно, те, кто становятся гражданами другого государства, сейчас уже не стремятся обязательно избавиться от своего этнического происхождения.

В-четвертых, нам необходимо учесть опыт ошибок, которых не сумели избежать государства Прибалтики при осуществлении своей национальной политики уже в начальный период суверенизации. Так, Эстония провозгласила себя национальным государством, целью которого является «nation-building» («строительство нации»). Иначе говоря, речь идет о строительстве, в конечном счете, этнонационального общества[6].

Но возникает естественный вопрос: как объявить этнонациональным государство, где титульный этнос составляет всего 60% населения? Куда девать остальные 40%? После окончания Второй мировой войны в результате внутренней миграции в СССР доля этнических меньшинств в населении Эстонии увеличилось с 8% до 38, что составило порядка 600 тысяч человек. Вначале эстонское руководство надеялось на добровольный, естественный более или менее «цивилизованный» исход меньшинства. По расчетам к 1990-м годам из республики выехало порядка 1/6 неэстонцев, т.е. около 100 тысяч человек. Новые законы, принятые в Эстонии после провозглашения независимости, делали значительную часть оставшихся 500 тысяч человек **не гражданами** страны. Обязательное знание эстонского языка становилось неотъемлемым атрибутом гражданства. Ныне 90% населения республики – это уже этнические эстонцы. Но еще свыше 200 тысяч неэстонцев не получили гражданские права. Латвия также мечтала быстротечно стать «нацией-государством». Однако оказалось, что в 90-х годах прошлого века ни в одном из 7 наиболее крупных латвийских городов латышский язык не являлся родным для большинства проживающих. Сегодня выглядит нелепым стремление правительств Латвии и Эстонии по европейскому образцу прошлых времен латвизировать и эстонизировать сотни тысяч проживающих на их территории русских. Конечно, европейские «нации-государства»

формировались по мере «ассимиляции» совершенно различных этнических групп. Так, во Франции, отмечал Ф.Энгельс, «формирование нации происходило на базе нескольких средневековых феодальных народностей. Провансальская (южнофранцузская) народность в средние века была не более родственна северофранцузской»[7]. С таким же успехом можно добавить, что между северо-восточными пикардийцами и юго-западными гасконцами также было очень мало общего. Однако данный процесс занял века.

В-пятых, совершающиеся на наших глазах глобализационные процессы размывают национально-государственные границы. Под воздействием стремительно растущих информационных потоков и глобально узнаваемых символов разрушается устойчивая идентификация с нацией и государством. Вызовы глобализации испытывают сегодня и страны Центральной Азии. Специфика их положения заключается в том, что в настоящее время перед ними стоят модернизационные задачи, решение которых традиционно связано с укреплением национального государства. Восприняв ценность национального в период глобального кризиса национально-государственной парадигмы, центральноазиатское общество разрывается между потребностью модернизации и необходимостью адаптации к глобальным тенденциям мирового развития. Формирование нации-государства в странах Центральной Азии, а также в России, происходит в условиях этнокультурного возрождения, что позволяет некоторым исследователям говорить о превалировании здесь «этнокультурной доминанты над социокультурной» в развитии модернизационных процессов. Речь идет о том, что здесь сама «национально-государственная модель общества поколеблена глобализацией и глобальностью»[8].

В этой ситуации содержание национальной составляющей идентичности зависит не только от государства, всегда выполнявшего в евразийском регионе, частью которого исторически является Центральная Азия, роль ключевого ориентира, но и от форм социальной самоорганизации, задающих уровень «напряженности» связей современного мира. Успешность социальных инноваций сопряжена с укреплением гражданского общества, которое вырабатывает механизмы социальной и национальной консолидации вне, помимо и во взаимодействии с государством[9]. Личность постепенно теряет связи с привычными формами социализации и все больше выступает как «*транснациональный индивид*», как группа индивидов, как значимый субъект. Оставаясь частичками национальных организмов, люди становятся гражданами мира.

И вместе с тем, опыт стабильного развития многих стран современного мира дает основание утверждать, что угроза неизбежного распада маячит не перед каждым полиэтничным государством. По-видимому, не следует абсолютизировать этнические различия как таковые, без учета других факторов, и предсказывать неизбежность такой ситуации, при которой каждая этнонация не успокоится, пока не добьется образования собственного государства. Этнический фактор играет решающую роль лишь только в моменты утверждающегося национально-государственного самоопределения. Но с какого-то времени, когда национальное самосознание приобретает устойчивые институциональные черты, этничность как фактор самоопределения начинает отходить на задний план. Гражданство становится полным выражением национального характера, а этническая принадлежность второстепенным признаком. Не нации создают государства, а наоборот, государства образуют нации. Исторически тенденция к централизации во Франции, по мнению Р.Мартелли, обнаружилась ранее становления нации, в силу чего «государство создало нацию, которая и существует ... в форме национального государства»[10]. Замечено, что во многих ситуациях национальных революций и гражданских войн в качестве важной предпосылки выступает наличие глубокого и серьезного противостояния между двумя частями общества не только в материально-экономическом, социально-имущественном, но и цивилизационно-культурном плане. Речь здесь идет не о «столкновении цивилизаций» в духе С.Хантингтона, а о наличии в обществе серьезных различий в сфере культуры,

традиций, менталитета, т.е. об отличиях микроцивилизационного (или субцивилизационного) характера. Именно этот момент, обозначаемый в литературе терминами «особость», «инаковость», чаще всего и создает то национальное чувство, которое ведет к расхождению линий политического поведения этнических групп и конфликту между ними. Если этнос в данном ракурсе восприятия цементируется в первую очередь сознанием общности происхождения, то есть прошлого, то в нации более существенную роль играет убеждения в общности будущего, т.е. грядущей судьбы. Нация при своем зарождении, как правило, вбирает в себя вначале близкие (родственные) этнические группы, а затем и «особые», «инаковые», с точки зрения культуры и языка. Этноты, включенные в новую нацию, но в силу каких-то причин, не интегрировавшиеся в нее, «выламываются» из общего процесса нациеобразования, а значит с неизбежностью, из границ возникающего национального государства. Не имея общего самосознания «единства судьбы», в какой-то момент развития они могут «очнуться» и начать борьбу за национальное обособление. Ситуации, ныне сложившиеся в Квебеке, Северной Ирландии, провинции басков в Испании, фламандской Бельгии говорят нам, что процесс генезиса наций в странах, реализующих модель национального государства, явно не завершен.

Надо полагать, что наиболее последовательная политика государств Центральной Азии проявляется в признании гражданских прав этнических меньшинств. В 1991 г. ОБСЕ, вслед за Канадой и США, приняла базовые документы о правах европейских национальных (этнических) меньшинств. Признание прав этнических меньшинств неизбежно повлекло за собой изменения в политике ведущих демократических государств. Канада, а затем и США, Австралия и некоторые другие государства пошли по пути утверждения принципа *мультикультурализма* в качестве основы своей политики. Похоже, признавался С.Хантингтон, возникли такие обстоятельства, когда нет уверенности в том, что недавние иммигранты все будут стремиться принять американскую шкалу ценностей и культуру[11]. Для США это фактически означало признание провала прежней *ассимиляционной политики «плавильного тигля»*. Россия же, в отличие от США, справедливо замечает К.С.Гаджиев, никогда не применяла «тиглевых» мер к присоединенным народам... Народы в общем-то сохраняли свои этнизм и культуру... Что касается советского режима, то он воспринял и интенсифицировал эту линию, создав «условия для консолидации и возрождения многих нерусских народов». Но как раз потому, что СССР был полигоном не только сохранения, но и дальнейшего развития различных этносов и народов, и возникли «предпосылки для процессов распада на всем пространстве СССР»[12].

Политика *мультикультурализма* была призвана обеспечить не только индивидам, но и их объединениям возможность сохранения своих культурных особенностей, поддерживая тем самым определенный баланс между коллективными и индивидуальными правами.

Сегодня многие зарубежные теоретики и практики рассматривают принцип *мультикультурализма* как наиболее адекватный ответ на вызовы этнического сепаратизма и этнонационализма[13]. В этой связи Р.Поул подчеркивает, что «мультикультурализм уже проявил себя как значительное политическое явление во всех либерально-демократических странах, и политические философы пришли к нелегкому признанию факта его существования...»[14].

Однако, как справедливо отмечается во многих исследованиях, «этнизация всех сторон политической жизни ставит под вопрос классические ценности демократии – прежде всего равенство людей перед законом»[15]. Как считают многие специалисты, современная реальность ставит перед ученым сообществом абсолютно новую задачу – деполитизации этничности или деэтнизации политики[16]. Наконец, некоторые исследователи убеждены в том, что сохранение единства страны возможно только после внедрения в общественное сознание либеральной идеи значимости отдельной личности, а

не каких-либо общностей[17]. Право каждого человека «остаться» на той земле, где создается национальное государство, получить – при условии личной гражданской лояльности к его законам и конституции – гражданство. Таким образом, в настоящее время закладывается почва для положительного роста национального самосознания народов Центральной Азии. Вопрос лишь в том, чтобы ввести это рождающееся самосознание в позитивное русло общегражданских чувств в отношении к создающемуся национальному государству. Было бы ошибочным, если мы стали отрицать тот факт, согласно которому реальность более чем 24-летнего развития суверенных государств Центральной Азии беспристрастно свидетельствует, что консолидирующая национальная идея постепенно, но все же неуклонно превращается в неотъемлемый элемент общественно-политического сознания людей.

В социологических исследованиях подчеркивается, что в процессе строительства «наций-государств» культурные различия между русскими, украинцами, казахами и другими этносами постоянно увеличиваются. И сейчас они значительно больше, чем в советское время. Следовательно, фактор национально-государственного единения и формирования общей гражданской идентичности начинает работать. Очевидно, что гражданская идентичность формируется на длительном историческом этапе. Долгое время будет сохраняться «двойная», даже «тройная» идентичность. Должен пройти достаточно большой срок, прежде чем человек, который осознает себя «русским», «узбеком», «дунганином», захочет сказать: «я – русский и в то же время – кыргызстанец». И только лишь в далекой перспективе сформируются такие гражданские (национально-государственные идентичности), как «казахстанец», «кыргызстанец», «таджикистанец», «туркменистанец», «узбекистанец».

Литература:

1. См.: Kohn H. Nationalism. Its Meaning and History. Princeton. 1955, p.9.
2. Дж.Б. Эльстайн. Международная политика и политическая теория // Теория международных отношений на рубеже столетий / Под ред. К.Буса и С.Смита/ - М.: Гардерики, 2002, с.361.
3. См. подробно: Андреева Т. Внутри- и внешнеполитические аспекты проблемы независимости Шотландии.// Мировая экономика и международные отношения, 2014, № 6.
4. Weil P. Nationalities and Citizenship: the Lessons of French Experience for Germany and Europe. – Caesarani D., Fullbrook M. (EDS.) Citizenship, Nationality and Migration in Europe. – L.: Routledge, 1996, p.82; Добаев И. Исламизация Европы: миф или реальная угроза? // Мировая экономика и международные отношения, 2008, №4, с.50-51.
5. См.: Кузнецов А.М. Этническое и национальное в политологическом дискурсе. // Политические исследования (Полис), 2007, № 6.
6. См. подробно: Lieven A. The Baltic Revolution Estonia, Latvia, Lithuania and the Past to Independence. New Haven, 1993, p.434.
7. См.: Martelli R. La Nation Ethnic, formation sociaux, traditions, lutes politiques en France. - P., 1979.
8. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. - М.: 2001.
9. Семенов И.С. Культурные факторы и механизмы формирования российской национально-цивилизационной идентичности на рубеже XXI в. // Полис. - 2004. - № 1, с.113.
10. Martelli R. La Nation Ethnic, formation sociaux, traditions, lutes politiques en France. - P., 1979, p.25.
11. «Le Figaro», <http://www.inosmi.ru>.
12. См.: Гаджиев К.С. Сравнительный анализ национальной идентичности США и России. М.: Логос, 2013, С.246-247.
13. См. напр.: Kumlicka W. Politics in Vernacular. Nationalism, Multiculturalism AND Citizenship. Oxford University Press, 2001.
14. Poole R. Nation and Identity. - L.- N.Y.: Routledge, 1999, p.3.
15. См.: Драгунский Д.В. Макрополитика (Заметки о детерминантах национального поведения) // Полис. - 1995. - № 5.
16. Филиппов В.Р. Критика этнического федерализма. – М.: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН.- 2003.
17. Тишков В.А. Реквием по этносу. – М.: Наука, 2003; Тощенко Ж.Т. Этнократия: история и современность (социологические очерки). – М.: РОССПЭН, 2003.